

С.П.Лялин, Ф.Ф.Перченко
ЗАПИСКИ Б.Б.ПОЛЫНОВА О 1937

В Архиве РАН, в фонде 602, хранится общая тетрадь, на обложке которой стоит одно слово: «Личная». Под названием «Воспоминания биографического характера Б.Б.Полынова 1937-1938 гг.» тетрадь эта включена в специальную опись, озаглавленную «Материалы, не подлежащие оглашению» (в читальный зал не выдаются). В описи, составленной в 1960, всего несколько единиц хранения: в основном материалы военного времени к незаконченной работе Полынова о задачах и методах военно-географических исследований. В эпоху гласности запрет с описи №8 снят, и мы можем познакомиться с записями, сделанными Полыновым для себя еще в сталинское время (он умер в 1952)¹.

В начале 1937 Борису Борисовичу Полынову шел шестидесятый год; он — один из ведущих почвоведов страны, принадлежал к докучаевской линии почвоведения. В анкетах на вопрос о специальности, помимо почвоведения, называл также физическую географию и геологию. В 1901-1907 Полынов служил статистиком (лесоводом и почвоведом) в Черниговском губернском земстве. С 1907 преподавал в высшей школе, профессор Донского политехнического института в Новочеркасске, Петроградского политехнического института, Ленинградского университета, где заведовал кафедрой географии почв до 1935, а затем профессор Московского университета. Дольше всего местом службы его оставался Почвенный институт им. В.В.Докучаева АН СССР, до 1927 входивший в состав Комиссии по изучению естественных производительных сил России при Академии наук — сначала на правах Почвенного отдела КЕПС. Научным сотрудником Почвенного отдела Б.Б.Полынов стал в 1923. Вместе с институтом он переехал из Ленинграда в Москву. В 1933 был избран членом-корреспондентом АН СССР, а уже через год получил степень доктора наук. Руководил полевыми исследованиями в разных районах страны, в 1936 начал исследования почв в Ленкорани, оборвавшиеся в следующем году его арестом.

¹ АРАН. Ф.602. Оп.8. Д.6. Л.1-11.

В биографии ученого были такие детали, которые в 1937 представляли опасность. Он был младшим офицером старой армии, отбывал воинскую повинность в гвардейской артиллерийской бригаде, находился в действующей армии во время русско-японской войны в Маньчжурии и Первой мировой войны на Юго-Западном фронте. В Варшаве жила его сводная сестра Вера Ивановна Тукеркес, урожденная Сергеева. Сам Полынов неоднократно бывал за границей в 1906-1907, 1910, 1927, 1935. Во время последней поездки за рубеж он участвовал в работе III Международного конгресса почвоведов в Оксфорде, а после его окончания вместе с другими участниками совершил научную экскурсию по Англии и Шотландии. В ходе этой поездки Полынов ближе познакомился с английским почвоведением и установил связи с английскими учеными. Двое англичан приезжали к нему еще в Ленинград, побывали в Саблине на почвенной станции географического факультета.

Предоставим теперь слово мемуаристу. К печати он своих воспоминаний не готовил, шероховатости его стиля мы сохраним.

«В феврале 1937 года меня вызвали на совещание к заместителю директора Почв[енного] ин[ститу]та — Лебедеву². В его кабинете я застал как самого Лебедева, так и парторга И.П.Герасимова³. Мне сделали предложение занять пост директора инсти-

² *Лебедев Андрей Филиппович* (1892-?). Зам. директора Почвенного института АН СССР по административно-хозяйственной работе с сентября 1935 (должность введена специально для него). В июне 1936 вр.и.о. директора. С апреля 1937 управляющий Техснабом АН СССР. В 1917 начальник Красной гвардии петроградского завода «Новый Арсенал», участник штурма Зимнего дворца. В ноябре 1917 направлен на Украину, но по дороге на некоторое время задержался в Москве, где со своей ротой выполнял спецзадания — обыски, аресты, участвовал в подавлении восстания в Гжатске. Несколько месяцев воевал на Украине против гайдамаков, вступил в партию, с середины 1918 — в Вязьме — военком города и уезда, член ревкома, занимался подавлением крестьянских восстаний и расформированием женского монастыря. В 1923 отозван в Москву и МК ВКП(б) направлен в Хлебопродукт, где проработал до 1930. Параллельно учился в Плехановском институте, после его окончания в 1930 по мобилизации ЦК направлен в Наркомзем СССР — членом правления Семеноводтреста, с марта 1930 по 1933 председатель правления Всесоюзного объединения «Минеральные удобрения». В 1933-35 работал старшим консультантом в Центральной госкомиссии по определению урожайности при СНК СССР.

³ *Герасимов Иван Павлович* (1896-?). Почвовед. Кандидат сельскохозяйственных наук (1938). В годы гражданской войны доброволец в Красной Армии. Член ВКП(б) с марта 1918. В 1922-25 учился на Ульяновском рабфаке, в 1925-30 в Кубанском сельскохозяйственном институте. Последующие два года сотрудник Государственного института табаководения в Краснодаре, где под руководством Б.Б.Полынова вместе с В.А.Ковдой (о нем см. ниже) принимал участие в экспедиции по исследованию почв табачных районов Черноморского побережья; затем в 1932-35 аспирант Почвенного института АН СССР, с 1935 его научный сотрудник. В 1937 назначен парторгом института.

тута. Это не было для меня неожиданностью. Разговоры со мной вели по этому поводу и раньше, но я отклонял их. Внутренние причины, которые препятствовали мне согласиться, заключались, во-первых, в том, что я боялся отрыва от научной работы — совершенно неизбежно при должности директора и, во-вторых, в том, что, не будучи полноправным академиком и не имея необходимого авторитета, не сумею отстаивать интересы института в полной мере перед лицами акад[емического] управления, очень тонко и неуклонно подчеркивающими всюду и везде различие между академиками, членами-корреспондентами и просто учеными. Кроме того, жена моя меня очень резко и настойчиво отговаривала отказаться от этой тяжелой и неблагодарной работы».

На этот раз собеседники Полынова были настойчивы как никогда ранее и дали ему понять, что отказ будет расцениваться как саботаж. Полынов просил дать ему время на обдумывание ответа.

Затем его вызвал вице-президент АН СССР Г.М.Кржижановский и повторил предложение о директорстве. В ответ на сомнение Бориса Борисовича в том, что он, будучи лишь членом-корреспондентом, сумеет защитить интересы своего института, когда они столкнутся с интересами других учреждений, во главе которых стоят «полноправные академики», Кржижановский твердо пообещал, что в ближайшие выборы Полынов станет академиком. «Объективная» причина сомнения, таким образом, отпала, и Полынову ничего не оставалось, как согласиться.

Он не скрывал от себя трудностей своего нового положения и попытался представить его себе во всей полноте:

«1) Как директор советского института я, понятно, должен был прежде всего подчиняться всецело руководству партии. Это было вполне естественно и в принципе удовлетворяло меня. Но, к сожалению, я убедился на опыте, что нередко те партийные товарищи, с которыми мне непосредственно приходилось иметь дело, очень часто выдавали свои личные мнения и намерения за мнения и намерения партии, а проверить я далеко не всегда имел возможность, так как, не будучи сам партийным, не имел входа ни на партийные собрания, ни на совещания. Непосредственное партийное окружение не было благоприятным».

Вспоминая прошлое, Полынов вновь перебирает в памяти партийцев института.

Самый образованный из них отличался и невероятным карьеризмом⁴. «Он во всех случаях старался вести не линию партии,

⁴ В тексте воспоминаний Б.Б.Полынов называет конкретное имя — известного почвовода, члена-корреспондента АН СССР (1953) *Виктора Абрамовича Ковды*

а линию персонально того, кто в данный момент находился над ним», обеспечивая тем самым если не продвижение по службе, то меньшей мере свою репутацию в партийных органах. «Оппортунизм» этого сотрудника кажется новому директору тем более опасным, что тот умеет направить дело в нужном для себя направлении, переложив при этом ответственность на другого.

Парторг видится Полюнову мягким, боязливым и не очень одаренным человеком. От ответственных дел он старается уклониться.

«2) Как директор института, руководящий научной работой, я должен был *направлять и согласовывать* работу всех старших, руководящих сотрудников. Эта задача была чрезвычайно трудной, ибо каждый из них старался быть наиболее самостоятельным, каждый из них выбирал темы не по значимости их для общего дела и соц[иалистического] строительства, а по личному вкусу и приспособлял их к крупным проблемам путем ловких объяснительных записок.

Идея комплексной работы существовала только в оф[ициальных] разговорах и для видимости поддерживалась изданием нескольких работ в одном сборнике — вообще она не проводилась в жизнь и провести ее не было возможности, так как никто по

(1904-1991). Он окончил Кубанский сельскохозяйственный институт в Краснодаре (1922-27; 1927-30 — аспирантура). Здесь же в 1927 вступил в ВКП(б). В 1930-40 научный сотрудник, в 1940-58 зав. лабораторией засоленных почв Института почвоведения АН СССР. Участник Международного конгресса почвоведов в Оксфорде в 1935, где являлся парторгом советской делегации. В 1947 возглавил Отдел спецработ Президиума АН СССР, в 1954-55 работал советником при президенте АН Китая, затем много лет директором департамента естественных наук в ЮНЕСКО. Вернувшись из Франции, с 1965 по 1971 — зам. председателя Секции химико-технологических и биологических наук АН СССР; в 1970-80 — директор Института агрохимии и почвоведения АН СССР в Пушкине. С 1980 — зав. лабораторией Института почвоведения и фотосинтеза АН СССР.

Упомянут и предшественник парторга И.П.Герасимова — *Николай Денисович Беспалов* (1898-?) — «честный, но чрезвычайно недалекий и неразвитый — всегда был слепым орудием и действовал либо по подсказу Ковды, либо кого-либо другого» (АРАН. Ф.602. Оп.8. Д.6. Л.1об.-2). Биография Беспалова весьма похожа на судьбы других административно-партийных руководителей Института почвоведения — Лебедева и Герасимова и типична для всей генерации «красных научных выдвиженцев» 1930-х. Член ВКП(б) с марта 1918, он в годы гражданской войны партизанил, участвовал в борьбе против атаманов Дутова и Анненкова, басмачества, в 1919-20 в Ташкенте — комиссар сводной боевой коммунистической дружины. Затем учился на рабфаке и в Среднеазиатском хлопковом институте в Ташкенте (1927-31). В 1932-36 аспирант АН СССР, с 1936 старший научный сотрудник Почвенного института АН СССР, директор Вахшской почвенно-мелиоративной станции в Таджикистане, в 1937-38 и.о. ученого секретаря Таджикской базы АН. В 1940-50-е годы работал в Монголии, автор монографии «Почвы Монголии». Доктор сельскохозяйственных наук (1951).

существо ее не хотел — каждый хотел работать вполне самостоятельно и следили только за тем, чтобы их не обворовали, т.е. не украли их идей в той стадии, в какой они находятся в разработке. К сожалению, подобного рода кражи имели место в институте»⁵.

И в этой сфере новый директор знал, кого надо опасаться. Один из сотрудников, по словам ученого, «человек гигантской работоспособности, но совершенно лишенный творческой инициативы», с необычайным рвением посещал производственные совещания, прочитывал отчеты своих коллег, ставил эксперименты и публиковал работы, построенные «на ворованной мысли и инициативе». «Он не сделал ничего серьезного, фундаментального, но зато опубликовал бесконечное множество никому не нужных статей, очерков и прочего. Его цифры нуждаются всегда в проверке, его выводы обычно не подтверждаются. Он не мог сосредоточиться на чем-либо одном, всегда разбрасывался и ни в какой отрасли не сделал ничего серьезного. Его работам теперь не верят, но пример оказался заразительным».

Результат: люди стали бояться излагать свои мысли на совещаниях и еще сильнее замкнулись. Полюнов видит, что предстоит борьба — «заставить работать соединенными силами над одной проблемой».

«3) Не меньшую опасность (если не бóльшую) представляла другая группа товарищей, которая в погоне за карьерой перетолковывала директиву: развивать теорию для обслуживания практики — в сторону наиболее простую и легкую — т.е. заниматься технической работой того масштаба и значения, какие свойственны производственному учреждению. Иначе говоря, брать выполнение технических работ, ведущихся отраслевыми институтами и местными практическими органами. Темы, избираемые этими специалистами, были, понятно, весьма практическими, их работы, несомненно, приносили прямую пользу, но эти работы ни в коей мере не содействовали развитию теории и легко могли быть выполнены любым добросовестным и опытным провинциальным специалистом. Это представляло тем бóльшую опасность, что

⁵ Речь идет об *Иване Николаевиче Антипове-Каратаеве* (1888-1965), имя которого указано в мемуарах. Почвовед, физико-химик. Окончил Учительский ин-т в Уфе (1911-14), учился в Иркутском и Московском университетах (1918-26). В марте-декабре 1919 завхоз Управления делами Совета министров Сибирского правительства в Омске—Иркутске, затем — разведчик и начальник школы состава Штаба войск внутренней службы в Приуральском округе. С 1926 научный сотрудник Почвенного института АН СССР, где проработал до 1951 (1934-48 — зав. химико-физической лабораторией; 1945-50 — зам. директора института). В 1951 избран действительным членом АН Таджикской ССР, работал в местном Институте почвоведения.

подкупало и высшие органы своей практичностью, с одной стороны, а с другой — создало стремление многих практических и производственных учреждений привлечь Академию наук для производства таких работ и получать, таким образом, марку Академии, которая в значительной степени импонировала органам контроля и приема работ».

Во главе этой группы, как видится Полынову, — немного лиц, но здесь академик Б.А.Келлер (директор Почвенного института в 1931-36) и временами все тот же «самый образованный», действуют они под прикрытием партийной организации и ее руководителей, сначала Н.Д.Беспалова, а затем И.П.Герасимова. Активное сопротивление им квалифицируется «как действие против установок партии и правительства». Борьба с этой демагогией требует колоссального спокойствия и выдержки.

Между тем тенденция к снижению научного уровня в Академии уже дала свои плоды. Десять лет назад, по оценке Полынова, отечественное почвоведение еще занимало ведущее положение в мировой науке. Теперь во многих отраслях почвоведения обозначилось отставание. В физико-химическом изучении почв вперед вырвались Америка и Швеция, лесное почвоведение расцвело в Скандинавии, микробиология почв получила наибольшее развитие в Америке (хотя некогда возникла в России), «и даже в области географии почв начали выделяться более крупные работники в Германии». «Мы не могли похвалиться ничем, кроме Вильямса», который, однако, «обладая прекрасными идеями», «теории не подвинул ни на один шаг».

Такова была обстановка. Тем не менее Б.Б.Полынов «льстил себя надеждой преодолеть ее»: опереться на новые молодые силы — и «вывести институт на дорогу крупного советского института, строящего истинную науку». «Приняв предложение и будучи скоро утвержден директором, я со всей энергией принялся за работу. Но... она скоро была прервана».

«11-го мая 1937 г., — продолжает вспоминать ученый, — накануне выходного дня (тогда была шестидневная неделя, и 12-го был выходной день) после службы и обеда я с женой и моими сослуживцами по институту А.И.Троицким⁶ и его женой Е.И.Парфеновой⁷

⁶ О нем см. в списке репрессированных почвоведов в конце статьи.

⁷ *Парфенова Елена Ивановна* (1904-?). Почвовед. Окончила Ленинградский сельскохозяйственный институт в Детском Селе (1928-31). В 1931-33 сотрудник Гипровода, где работала с Б.Б.Полыновым. С июня 1933 младший научный сотрудник Почвенного института АН СССР. Составляла сводки литературных материалов о почвах и почвенные карты по районам ирригации Заволжья, субтропических районов Черноморского побережья Кавказа.

решили провести вечер — в кино и дома. Настроение было хорошее. Неделю я очень интенсивно работал и вечером собирался основательно отдохнуть. Пообедали... через некоторое время все вчетвером пошли в кино. Последующие события настолько вытеснили из памяти все мелочи предшествующего времени, что теперь я не могу вспомнить даже картину, которую мы смотрели. Помню только, что возвращался я с ощущением приятной усталости, предвкушая хороший душистый чай и отдых в кругу людей, к которым был искренно привязан... Кино было в Доме правительства и пройти до дома надо было всего лишь 5-10 минут. Только что мы вошли в квартиру и начали хлопотать, собирая для чая и ужина посуду, еду и разогревая воду... как послышался звонок. Когда А.И.Троицкий открыл дверь, в квартиру вошли: два сотрудника НКВД в форме, один красноармеец и дворник... В значении и цели этого посещения не могло быть сомнения.

Трудно сказать, какие чувства охватили меня — это было несомненно очень сложное и тяжелое переживание, но все же больше всего преобладало... изумление. Прежде всего пришла в голову мысль, что это недоразумение... ошибка...

Однако вошедший первым — высокий блондин со спокойным лицом спросил именно мою фамилию и предъявил ордер на обыск, на котором тоже четко и ясно были написаны моя фамилия, имя и отчество... Сомнения не оставалось, что целью их посещения был именно я и моя квартира. Само собою разумеется, что обыск сам по себе меня не пугал — ничего предосудительного у меня не было и не могло быть. Однако я отдавал себе отчет в том, что достаточно обширная иностранная корреспонденция, которую я в качестве президента Тихоокеанского Почвенного Комитета и председателя Комиссии по составлению карты Азии вел со многими иностранными учеными, должна была, понятно, привлечь внимание и послужить объектом д[ля] б[олее] длительного изучения. Все-таки у меня оставалась надежда, что дело кончится только обыском... Слабая надежда! Такого рода обысков без ареста я не припоминал... Это бывало иногда в дореволюционное время, и, в частности, был такой обыск и у меня в Чернигове в 1906 году, но он проводился в мое отсутствие...

Обыск длился с 10 ч. вечера до 4 часов ночи. Все перерыли и по моему же настоянию осмотрели даже кладовку и содержимое дивана... Почти все время я сидел рядом с женой на диване. Состояние было бесконечно тоскливое — я верил, что все это недоразумение, но сколько времени продлится оно — я не знал, и меня брал страх за жену... Я представил себе, что уже на другой день

после ареста все от нее отвернутся: она окажется одинокой, беспомощной в самой жуткой обстановке...

Наконец, когда обыск подходил к концу, старший сотрудник НКВД по телефону вызвал "большую" машину, — мне стало ясно, что меня заберут...

Все кончилось — на мой вопрос, арестуют ли меня, мне ответили утвердительно — подписал протокол. Попрошался и попросил Елену Ивановну не оставлять жену. Она дала мне это обещание, и на душе стало немного легче... Я все же верил, что через 3-4 дня, самое большее через неделю, я вернусь...

Мы сели в машину. Справа и слева от меня сели сотрудники НКВД, рядом с шофером красноармеец — я был окружен и невольно подумал о столь ненужных предосторожностях. Я бы не только не убежал, но если бы меня пригласили в Большой дом — я бы аккуратно пришел туда.

Я не представлял себе точно, куда меня везут, и только по общему направлению догадывался, что на Лубянку, но я бы и теперь не нашел бы ворот, к которым меня привезли, и дом, у которого они отворились... Доставивший меня сотрудник вежливо и, как мне показалось, сочувственно простился со мной и передал меня другому...

Вспоминая процедуры, через которые я прошел и впоследствии проходил много раз, я до сих пор не могу понять смысла и целесообразности многих из них. Совершенно непонятно для меня, почему выдергивают шнурки из ботинок и заставляют ходить в незастегнутых штиблетах. Почему не позволяют с собой брать какого-либо чемоданчика и пр. Впоследствии дело дошло даже до того, что отбирали зубные щетки (в "Крестах") и срезали пуговицы на брюках... Первый раз в Москве это делали спокойно, без окриков и грубостей — много хуже проходили эти процедуры в "Крестах" в Ленинграде.

Из всех положенных процедур — одна на первый раз была для меня пропущена — меня не повели в баню, но спросили, давно ли я был в бане, — я ответил, что ежедневно принимаю ванну, и меня направили прямо в камеру.

Потом выяснилось, что и это было льготой, так как в большинстве случаев арестованные сначала попадают в так называемый "собачник", т.е. общую предварительную камеру, очень грязную, неудобную, и уже после "собачника" происходит сортировка, перед которой проходят баню...

Помещение, в которое я попал, утром напоминало меблированные комнаты: коридор и номера обычного типа без всяких решеток и пр. Мы остановились перед №8, дверь отворилась, я ока-

зался в довольно просторной комнате, где помещалось кроме меня семь человек, стояло восемь кроватей, снабженных полным комплектом белья, большой стол с полкой внизу и убогая посуда: металлические миски, чашки и деревянные ложки...

Люди, которых я там встретил, произвели на меня неприятное впечатление: они выглядели если не типичными бандитами, то во всяком случае весьма некультурными людьми — общее впечатление чего-то грязного, серого и как будто явно преступного. Первая мысль, что меня посадили в компанию настоящих уголовных преступников... и я ждал с их стороны соответствующего приема...

Это впечатление рассеялось в течение 10-15 минут. Меня не беспокоили вопросами, но все старались оказать мелкие услуги, и вскоре я убедился, что добрая половина принадлежит к представителям интеллигенции, один — шофер, молодой, худощавый, очень грустный и задумчивый, один — студент вуза, молодой парень, очень мягкий, не из особенно способных, но человек как будто морально чистый, неспорченный...»

Старостой камеры, вспоминает Полынов, был высокий брюнет, партиец, еврей, по профессии врач, бывший начальник какого-то главка. От него Полынов услышал анекдотические рассказы о глупости и несправедливости со стороны следователей. Староста был умен и обладал характером. «В нем было что-то несимпатичное, как часто бывает у очень честолюбивых людей, которые не любят считаться с чужим мнением и охотно показывают свое превосходство. Но в то же время он не производил впечатления враля или хвастуна...» Его рассказы о дореволюционной партийной работе и о гражданской войне звучали правдиво, без ложного пафоса. «Возможно, что моя антипатия к нему возникла потому, что он посмеялся над моей "наивностью" и верой в то, что мое дело быстро разьяснится... Он мне прямо заявил, что то обстоятельство, что я ни в чем не виноват, никакой роли не играет. Раз меня арестовали, то если бы я оказался бы невиновным, для меня придумают вину, потому что "нельзя подрывать авторитет Наркомвнудела"... Все это было очень неприятно, но у него выходило очень убедительно и правдоподобно, а у меня отнимало надежду на скорое освобождение».

Заметным лицом в камере был профессор-историк из Московского университета⁸. О деле своем он говорил неохотно, ничего хорошего не ждал, был внешне ко всему равнодушен. Иногда по

⁸ Возможно, речь идет об историке Греции, академике Михаиле Михайловиче Покровском. Однако никакими данными в пользу этого свидетельства П. мы не располагаем.

просьбе других читал им лекции. Играл в шахматы (без доски, на память) с другим искусным шахматистом. От прогулок отказывался. «Ел постольку, поскольку утолял голод. Казалось, хотел скорее кончить жизнь, но, чтобы прекратить ее немедленно, мер не принимал».

«Впрочем, первое время я был подавлен так и так сосредоточился на своей собственной судьбе, что соседи меня мало интересовали. Несмотря на бессонную ночь и предоставленную в мое распоряжение кровать, сон не приходил ко мне, к пище я не притронулся, хотя товарищи по камере уговаривали меня есть, но я решительно не мог — это не был протест — просто не хотел есть, да и пища была не из привлекательных... Мучительный вопрос, — за что меня арестовали, не покидал меня — я мысленно перебирал все, что я делал в последнее время, искал невольные, быть может, ошибки, но не мог додуматься и все же не переставая перебирал в памяти все разговоры, встречи, дела и... ничего не находил. Прошлое — то прошлое, в котором я по своим взглядам и высказываниям был несомненно антисоветским человеком — как причина ареста не могло прийти мне в голову, ибо что бы я ни говорил и какие бы взгляды я ни высказывал — я все же никогда не принимал участия ни в каких-либо организациях, ни в агитации преднамеренной, и в поступках и работе своей никогда не допускал антисоветских действий...

Поэтому о "такой причине ареста" мне и в голову не приходило... Причину я искал в каких-либо более близких по времени поступках, но найти не мог и с нетерпением ждал, когда, наконец, меня вызовут и предъявят обвинение... Мне казалось, что тогда же мгновенно разъяснится все недоразумение...

Относительно вызова меня разочаровали и товарищи по камере, сообщили, что сегодня, 12 мая, по случаю выходного дня меня не вызовут, а завтра вызовут не ранее вечера, так как следствие ведут здесь по вечерам...

Вечером усталость взяла свое, и я заснул... Проснувшись 13-го утром, я долго не верил действительности — мне казалось, что продолжается скверный сон, что если я еще раз засну, то проснусь в своей квартире, в старой обстановке, но... еще раз заснуть нельзя — в определенный срок надо было встать, идти в уборную, умываться, получать чай... Начинал примиряться со своей участью и еще более уверял себя, что все это недоразумение, которое скоро пройдет... /.../

13-го мая вечером дежурный надзиратель приоткрыл дверь камеры:

— Кто из вас на "П"?»

Камера была немалая, и ему начали перечислять ее обитателей, начинающих на «П». Когда дошли до Польшова, надзиратель отрывисто и коротко произнес:

— К следователю!

«Наконец-то допрос, и наконец-то я узнаю, в чем дело! Я волновался... Меня вывели из камеры и подвергнули прежде всего обыску... потом повели коридором, который привел к небольшой проходной комнате. Здесь сидела за столом женщина. На столе перед ней большая тетрадь типа бухгалтерских grosсбухов и металлический цинковый лист с прорезью. Лист покрывал всю страницу тетради, и в прорезь была видна только моя фамилия и пустая графа... В этой графе она отметила время — часы и минуты точно... Часы висели перед столом на стене, а я должен был расписаться возле этой отметки.

Из комнаты мы опять пошли длинными путанными коридорами, причем оказались уже в Большом доме, и я понял, что тюрьма наша имела внутреннее сообщение с Большим домом. Мы остановились у дверей одного из кабинетов, и после предварительного разрешения надзиратель пропустил меня в кабинет, а сам ушел. Просторный, светлый, очень хорошо обставленный кабинет. Прямо против меня сидел в форме НКВД человек среднего или даже несколько ниже среднего роста, лет около 40, брюнет с проседью, волосы коротко остриженные, небольшие темные глаза, узкое лицо, плотная фигура...

Я подошел. Он быстро поднял глаза: ваша фамилия? имя? отчество? год рождения? и т.д. последовал ряд формальных вопросов. Получив ответ на них и сверивши их с лежащими перед ним документами, он предложил мне сесть... Дальше между нами произошел следующий разговор.

Он: Ну, Борис Борисович, нам все известно. Я не даю вам никаких обещаний, но мы люди реальной политики... Губить вас нет смысла, пока из вас можно извлечь пользу... Поэтому я предлагаю вам — берите бумагу, перо (мне придвигает лист бумаги) и пишите Михаилу Ивановичу Калинину полное признание и просьбу о помиловании!..

Я: Простите... Но я не знаю, в чем я провинился и в чем я должен признаться!

Он: Ну! Это все так говорят! Предупреждаю, что нам все известно, но лучше будет для вас, если вы сами расскажете, не дожидаясь напоминания...

Я: Лгать и записывать я не умею и не хочу. Если бы я чувствовал за собой какую-либо вину, я бы, понятно, признался... Но мне не в чем признаться!

Он: Как не в чем признаваться! Вы — английский резидент! Вы искусный, опытный шпион. У вас ячейки по всему Союзу, но вас не знают все, только немногие! Вы действуете "цепочками". Если бы нам иметь в своем распоряжении такого шпиона, мы многое могли бы сделать!..

Я (оправившись после изумления): Знаете... Я вам скажу откровенно, что я волновался и после ареста и теперь, когда я шел к вам на допрос... Волновался, потому что предполагал, что я действительно совершил какое-либо преступление по службе или работе — сам того не замечая — ненамеренно, но теперь я совершенно спокоен...

Он: То есть как это? Почему же вы спокойны?

Я: Потому что предъявленное обвинение — такая явная и несуразная нелепость, что, понятно, оно должно быстро рассеяться!

Он (взволнованно и возбужденно): То есть как же нелепость?! Вы хотите запереться, у нас есть прямые доказательства, вы — шпион!.. (В это время вносят в кабинет поднос с двумя стаканами чая и бутербродами с колбасой и сыром). Хотите чаю? Берите, не стесняйтесь, берите бутерброды!

Трудно представить себе смену пережитых мною ощущений. С одной стороны, слово "шпион" хлестнуло меня как бичом... Позорная кличка продажных людей, она меня глубоко волновала и мучила... Но комически быстрый переход к любезному предложению чая... не мог не вызвать реакции, и при всем тяжелом положении я не мог не оценить комического момента этого разговора... Я успокоился, взял чай и начал с удовольствием пить.

В это время вошел сотрудник — очевидно, помощник моего следователя.

Он (обращаясь к помощнику): Вот, не признает себя виновным! Как это вам понравится? (Ко мне:) Стыдно!.. Вам ведь 60 лет — вы старик и такое упорное заперательство... Да! Мы вас вовремя арестовали! Вы подумайте, его собирались проводить в академики!?..

Помощник: Да! В майской сессии предполагались выборы!»⁹

На этом воспоминания Б.Б.Полынова обрываются, далее в тетради — чистые листы.

Известно, что по делу Полынова было взято несколько сотрудников Почвенного института: В.М.Боровский, А.Ф.Большаков, А.И.Троицкий, Г.И.Григорьев. Всех обвиняли в подготовке вооруженного восстания и террористических актов. Следствие ве-

⁹ В обстановке 1937 выборы новых членов АН СССР были отменены и состоялись лишь в 1939.

лось в Ленинграде, куда арестованных отправили этапом вскоре после ареста Польшова. Борис Борисович отказался признать себя виновным. Конкретные обстоятельства почти неизвестны.

Следствие тянулось без малого два года, после чего Б.Б.Польшову были выданы следующие справки¹⁰:

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Управление НКВД
по
Ленинградской области

Отдел 1-й Спец.
27 марта 1939 г.
№23283/-1

Ленинград, пр. Володарского, 4
Тел.: коммут. УНКВД
[Треугольная печать]
Управление НКВД Ленобласти
1-й Спецотдел
№2

ВИДОМ НА ЖИТЕЛЬСТВО
СЛУЖИТЬ НЕ МОЖЕТ

СПРАВКА

Выдана гр-ну ПОЛЫНОВУ Борису Борисовичу, 1877 г. рождения, ур. г.Ставрополь, в том, что он был арестован 11/V-1937 г. и 27/III-1939 г. освобожден из-под стражи за прекращением следствия по его делу.

И.о. нач. 1 Спецотдела
УНКВД ЛО
(Цветков)
Начальник II отделения
(Иванов)

СССР
Народный Комиссариат
Внутренних дел

ТЮРЬМА УГБ при УНКВД
по
Ленинградской области

28 марта 1939 г.
№2944

Начальник Тюрем УГБ мл.лейтенант гос. без[опасности]
(Симонов)
Начальник канцелярии лейтенант гос. без[опасности]
(Калинин)

ВИДОМ НА ЖИТЕЛЬСТВО
СЛУЖИТЬ НЕ МОЖЕТ

Справка

Выдана гр. Польшову Борису Борисовичу в том, что он с 12 мая 37 г. по 28 марта содержался под стражей в тюрьме УНКВД и сего числа освобожден за прекращением дела № 23283 прекращено [Так! — Публ.]

Выдана для представления по месту жительства.

¹⁰ АРАН. Ф.602. Оп.8. Д.6. Л.19, 20.

История с Польшимым весьма характерна для того времени. В параллель можно привести дело будущего члена-корреспондента АН СССР литературоведа П.Н.Беркова, который просидел в тех же Крестах, что и Польшимов, с июня 1938 по август 1939 как «австрийский резидент Беркофф» и был освобожден «в связи с прекращением его дела» (следственное дело № 54699 1938 г.), а также будущего академика физика С.А.Векшинского, находившегося в заключении там же с начала 1938 до второй половины 1939: его заставили «признаться», что он шпионил в пользу Германии, Англии, Франции и США, но тоже выпустили в «бериевскую отпелю».

Польшимов в апреле того же 1939 вернулся в Почвенный институт, где новый директор Л.И.Прасолов хотел было освободить его директорское кресло, однако Польшимов отказался.

29 апреля 1938 Польшимов вместе с двадцатью другими репрессированными академиками и членами-корреспондентами был исключен из состава АН СССР, а 28 июня 1939 его восстановили в прежнем звании члена-корреспондента. В 1946 в состав АН СССР была принята самая большая за всю ее историю группа ученых, «проверенных» и «закаленных» арестом и тюрьмой. Среди них академиками тогда стали А.А.Баландин, А.И.Берг, С.Б.Веселовский, В.В.Виноградов, Л.Д.Ландау, П.И.Лукирский, Н.А.Максимов, А.И.Некрасов, В.И.Пичета, Б.Б.Польшимов, И.И.Толстой, а членами-корреспондентами — С.А.Векшинский, Е.Ф.Гросс, Е.М.Крепс, А.Л.Минц, М.А.Михеев, Н.В.Пигулевская, Б.С.Стечкин, Г.В.Церетели¹¹.

История деформаций советского почвоведения, неразрывно связанная с изменениями социально-психологического типа ученых, еще совершенно не изучена.

Не оценены последствия послеоктябрьской эмиграции, а ведь среди эмигрантов — такие фигуры, как В.К.Агафонов (профессор Таврического университета, создавший в эмиграции докучаевскую школу русских почвоведов, исследовавший вместе со своими учениками почвы Франции, Северной Африки, Индокитая), П.В.Отоцкий (близкий ученик В.В.Докучаева, профессор Петроградского Лесного института, эмигрировавший в Чехословакию), И.А.Стебут (бывший директор Стебутовских курсов, ставший профессо-

¹¹ Упомянем о двух прецедентах. В 1939 в АН СССР были избраны арестовывавшиеся ранее Ю.В.Готье, М.В.Кирпичев, В.А.Фок (стали академиками), С.В.Бахрушин, Е.Э.Бертельс, В.М.Жирмунский, В.П.Осипов, В.М.Родионов, И.И.Толстой (прошли в члены-корреспонденты). В «призыве» 1943 находим академиков Л.С.Лейбензона, В.М.Родионова, Л.В.Щербу, членов-корреспондентов Т.П.Кравца, М.В.Птуху.

ром Белградского университета), С.Н.Виноградский (основоположник микробиологии почв, работавший с 1922 в Пастеровском институте в Париже, почетный член Российской Академии наук), Б.Н.Одинцов (профессор Петроградского университета; в августе 1922 он был арестован и в ноябре выслан из СССР; в Праге занял кафедру общего земледелия в эмигрантском учебном Русском институте сельскохозяйственной кооперации).

Не исследованы результаты применения силовых приемов и «идеологического оружия» в области почвоведения — прежде всего, со стороны «красного профессора» В.Р.Вильямса. Известно, что даже Б.Б.Полынов опубликовал хвалебную статью о Вильямсе (1949), о которой сам в частном разговоре сказал: «Ну, я написал самую позорную статью за всю свою жизнь»¹².

Не собраны, наконец, сведения о репрессированных ученых-почвоведех.

Предлагаем для начала список репрессированных почвоведов, который, как мы надеемся, вызовет отклики и станет более точным и полным.

Афанасьев Яков Никитович (1877-1938). Ученик В.В.Докучаева. Занимал кафедру почвоведения в Межевом институте (Москва) и в Горы-Горещком сельскохозяйственном институте (с 1925 — Белорусская сельскохозяйственная академия). Районы экспедиционных исследований: Туркестан, Черниговская, Калужская, Орловская, Курская губернии; с 1921 возглавлял работы по изучению почв Белоруссии (итоговые труды — начиная с 1926). Составил оригинальную почвенную картину Белоруссии. Включен в первый состав академиков АН БССР (1928). Директор Института агропочвоведения АН БССР с 1931. Один из авторитетнейших ученых в области классификации почв: выделил зональные почвы по отрицательным формам рельефа (интразональные почвы), предложил утвердившуюся классификацию почв по механическому составу, на I Международной конференции почвоведов (Вашингтон, 1927) делал доклад «Классификационная проблема в русском почвоведении». Последние труды появились в 1936. Арестован в 1937, погиб.

Бальц Вера Александровна (1866-?). Ученица Н.И.Прохорова. До революции — сотрудница его по Стебутовским курсам и Амурской экспедиции, соавтор нескольких его печатных трудов (по возрасту она была старше своего учителя). Первая женщина, ставшая в России профессором-почвоведом (с 1918 — в Петроградском агрономическом институте, позже — в Ленинградском сельскохозяйственном). Научный сотрудник Почвенного института с 1925. В 1928 — в Сальской экспедиции. Арестована в Ленинграде 27 декабря 1930. Находилась в лагере, по-видимому, в Карелии.

¹² Устное сообщение Г.И.Григорьева со ссылкой на Ф.Козловского.

Большаков Александр Федорович (1905-?). Почвовед. В 1927-31 учился на географическом факультете ЛГУ. В 1931-33 сотрудник Гипровода, где работал вместе с Б.Б.Полыновым. С 1933 — научный сотрудник Почвенного института АН СССР; занимался изучением почв Каспийской низменности, до 1939 заведовал Джаныбекским стационаром. Кандидат геолого-минералогических наук (1941). Арестован в 1937 по делу Б.Б.Полынова.

Боровский Владимир Михайлович (1909-1984). Ученик Б.Б.Полынова. После окончания ЛГУ в 1934 направлен Почвенным комитетом на организацию Джаныбекского почвенного стационара (Зап. Казахстан). Арестован в Москве в 1937 по одному делу с Б.Б.Полыновым. После окончания следствия отправлен в ссылку в Казахстан, где и работал до конца жизни. Наиболее известны его монографии о геохимии засоленных почв Казахстана, Мангышлака, долине реки Или, древней дельте Сыр-Дарьи. Доктор сельскохозяйственных наук с 1956, с 1962 член-корреспондент АН Казахской ССР (позже — академик). Руководил в АН Казахстана комиссией по проблемам Арала и Балхаша.

Гаель Александр Гаврилович (р.1900). Ученик В.Н.Сукачева (по Петроградскому Лесному институту), геоботаник и почвовед. Исследовал пески Дона, Прииртышья, Приаралья и других регионов. Ученый специалист Бюро освоения пустынь ВИРа (1932-1941); заведующий с 1937 (после ареста Р.И.Аболина). Арестован 23 августа 1941 за прочтение (при рытье окопов под Ленинградом) фашистской листовки. В сентябре вывезен через Ладогу в Мариинскую тюрьму, где находился до июня 1942. В 1942-1946 — лагерь в Томске (изготовление мин на военном заводе). Затем — Казахстан (работа по специальности в песках Большие Барсуки). С 1955 — на биологопочвенном факультете МГУ. Профессор, доктор сельскохозяйственных наук.

Григорьев Григорий Иванович (р.1906). Ученик Б.Б.Полынова (его аспирант в ЛГУ). Специалист по засоленным почвам, позже сосредоточился на классификации окультуренных почв. Арестован 29 мая 1937; на Лубянке — в общей камере вместе с Полыновым и взятым по тому же делу А.И.Троицким. В июне этапирован в Ленинград, там дважды «счастливо» попадал в тюремную больницу, благодаря чему избежал пыток. Не «признался». Освобожден одновременно с Полыновым 28 марта 1939. В начале войны попал в окружение, бежал из немецкого лагеря, в 1942 — в советском лагере для военнопленных (Суздаль). Отправлен на фронт, под Сталинградом вновь попал к немцам (лагерь в Батайске). В 1945 «освобожден» советской армией, получил по приговору 10 лет, находился в лагерях Пермской области (организатор и руководитель сельскохозяйственных курсов за колючей проволокой в Солянке), Кемеровской области (Антибесс), Казахстана (Экибастузский штрафной лагерь). Находился затем в ссылке, был старшим почвоведом в Карагандинской области (Долинка). В последующие годы — в Москве.

Димо Николай Александрович (1873-1959). Ученик Н.М.Сибирцева. До революции руководил почвенными исследованиям в Саратовской,

Черниговской и Пензенской губерниях; больше всего работал в Средней Азии (1908-1931, с перерывами), изучал «культурно-поливные» почвы и типы их засоления. Автор работ по геоморфологии, почвенной зоологии, метеорологии, агрономии. Занимал кафедру почвоведения в Московском межевом институте и в Среднеазиатском государственном университете, где в 1921-1930 был также деканом сельскохозяйственного факультета. Арестован органами ОГПУ в декабре 1930 по «делу Туркестанской ирригации». Под следствием до июля 1931. Коллегией ОГПУ осужден к расстрелу, замененному 10 годами принудительных работ. Освобожден в феврале 1932. Позже одно время, как утверждают, работал в Долинке (Карлаг). До 1944 — в Закавказье, с 1945 — в Молдавии (заведовал кафедрами почвоведения в сельскохозяйственном институте и университете, был директором Почвенного института). Академик ВАСХНИЛ с 1948.

Ильин Ростислав Сергеевич (1891-1937). Геолог и почвовед. Ученик А.П.Павлова, А.Н.Сабанина, В.И.Вернадского, Я.В.Самойлова. Учился в Москве (университет и сельскохозяйственный институт), до революции изучал почвы Черниговской губернии, работал агрономом в Московской губернии. Арестовывался как социалист-революционер в 1916, 1920, 1921. В 1925, будучи преподавателем при кафедре почвоведения 1-го МГУ, попал в тюрьму. Оттуда в 1927 отправлен в ссылку в Нарымский край, получил там возможность работать по специальности и, по собственному утверждению, превратил ссылку в научную командировку. Служил агрономом и почвоведом Сибирского переселенческого управления (1927-1930), затем — геолог Западно-Сибирского геологического управления. В 1931 снова арестован, в одиночке Томской тюрьмы написал работу «О геологических циклах». В 1933-1934 отбывал ссылку в Минусинске. В перерывах между арестами написал ряд работ о рельефе, геологическом строении, почве, ландшафтах Сибири; развивал идею о нефтеносности Западной Сибири. Видел свою основную заслугу в применении к геологии докучаевского учения о почве; по оценке В.И.Вернадского, основал новую геоморфологию. В последний раз арестован 12 июня 1937, 25 августа приговорен к заключению на 10 лет без права переписки, 11 сентября расстрелян.

Лебедев Александр Федорович (1882-1936). Почвовед, гидролог, агрофизик. До революции — профессор агрономической химии Варшавского университета (эвакуированного в Ростов-на-Дону). После 1917 — профессор в Ростове, директор Донской селекционной станции; затем в Москве зав. отделом физики почв в Институте земледелия ВАСХНИЛ. Создатель физики почв как научного направления в СССР. Во время заграничной научной командировки (1926-1927) Департамент земледелия США настолько заинтересовался его работами, что в распоряжение Лебедева был, в частности, предоставлен конструктор для разработки рекордной по своим характеристикам скоростной центрифуги, при отъезде Лебедева из США подаренной ему. Проанализировал с точки зрения физики почв массовую гибель озимых на юге США (1927). Департамент земледелия предлагал ему надолго остаться в Вашингтоне для исследовательской

работы. Арестован в 1931, отправлен на Беломорстрой; ходатайство Н.И.Вавилова за него оказалось безуспешным¹³. За сверхударную работу досрочно освобожден 8 октября 1932, а через год с него была снята судимость, однако свобода его оставалась номинальной, и до 1935 он вынужден был служить в системе НКВД. Во время работы на строительстве канала Москва—Волга перенес кровоизлияние в мозг. Вернулся к работе в Институте почвоведения менее чем за год до смерти.

Прохоров Николай Иванович (1877-1930). Ученик Н.М.Сибирцева. Преподавал на Стебутовских курсах, преобразованных затем в ЛСХИ, где заведовал кафедрой почвоведения. Многие его ученицы пошли в науку и стали первыми в России женщинами-почвоведками. До революции организатор и руководитель Амурской почвенной экспедиции, создатель

¹³ Приведем текст письма Н.И.Вавилова к Я.А.Яковлеву:

10 ноября 1931

Глубокоуважаемый Яков Аркадьевич!

В списке лиц, подлежащих освобождению, который я Вам передал на Конференции по борьбе с засухой, на втором месте был поставлен профессор Александр Федорович Лебедев. По сведениям, полученным мною сейчас, он выслан на ст. Медвежья Гора Мурманской дороги.

В связи с болезнью (тяжелая форма катара желудка) положение его, по тем сведениям, которые сообщила мне семья, вызывает большие опасения, сможет ли он его перенести.

А.Ф.Лебедев, несомненно, является крупным, мировым агрофизиком в настоящее время. Ему после долголетних и очень остроумных опытов удалось впервые доказать, что грунтовые почвенные воды образуются в значительной степени не столько благодаря осадкам, но от сгущения в почве атмосферных паров. Можно утверждать, что весь отдел почвоведения о поглощении атмосферных паров в почве создан профессором Лебедевым.

В бытность проф. Лебедева в Соединенных Штатах Америки несколько лет тому назад, куда он был командирован Северо-Кавказским университетом и Наркомземом, Министерство земледелия Вашингтона настолько заинтересовалось работами Лебедева, что предоставило ему специальную Лабораторию и средства для осуществления его опытов.

Специальная книга Лебедева «Грунтовые и почвенные воды» издается в настоящее время 3-м изданием и переведена на английский язык.

В письме, которое я получил от проф. Лебедева, он пишет, что позволяет обратиться с просьбой об использовании его по исследовательской линии, сознавая полную свою невинность в постигшем его несчастье. Он пишет: «в противном случае я никогда не смел бы просить Вас об этом».

Зная большие заслуги профессора Лебедева и зная его совершенно оригинальный подход к вопросам почвоведения, полагаю, что он мог бы быть использован для научных работ самое лучшее в Институте агропочвоведения, который нуждается в научных работниках, или в провинции.

Позволяю себе просить Вашего внимания этому делу.

Преданный Вам

Н.Вавилов

(АРАН. Ф.518. Оп.5. Д.87. Л.38-39об.)

стационарной сети наблюдений за состоянием почв в Амурской области, пионер в области изучения мерзлотных почв. После 1917 — один из руководителей Географического института, создатель агрономической станции на Кольском полуострове, родоначальник дорожного почвоведения (грунтоведения) в СССР. Один из создателей и первых сотрудников Почвенного института, его ученый секретарь. Основные работы — по географии и генезису почв. Арестован 30 августа 1929 в Туркестане. Расстрелян за потерю топографических карт (впоследствии они были обнаружены у хозяйки, где он квартировал: она оклеила ими внутри свой сундук). Одновременно с Прохоровым арестована сотрудница Почвенного института А.И. Драган; ее дальнейшая судьба неизвестна.

Троицкий Алексей Иванович (1903-?). Почвовед. Учился в Донском и Ленинградском сельскохозяйственных институтах. В 1931-1932 работал во Фрунзе в системе Наркомата земледелия. С 1933 научный сотрудник Почвенного института АН СССР. Занимался изучением обмена минеральными элементами между почвами и растительностью на Северном Кавказе (Черноморское побережье, Сев. Осетия, Чечено-Ингушетия). Кандидат геолого-минералогических наук (1947). В 1937 арестован по одному делу с Б.Б.Полыновым.

Тулайков Николай Максимович (1875-1938). Почвовед, агрохимик, растениевод, специалист по земледелию в засушливых условиях и физиологии растений. До революции работал в Московском сельскохозяйственном институте, изучал солонцовые почвы в США. С 1910 — в Поволжье. В 1919-1937 — в Саратове, где был профессором в сельскохозяйственном институте, руководил опытной станцией, а затем Всесоюзным НИИ зернового хозяйства. Изучал почвы различных регионов. Академик АН СССР с 1932. Зам. президента ВАСХНИЛ с 1929 (академик ВАСХНИЛ с 1935). Лауреат премии им. В.И.Ленина (1929). Противник травопольной системы земледелия В.Р.Вильямса. Арестован в Саратове в 1937, погиб в начале 1938 на Соловках.